

ЧИСЛОВАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ткачова Н.І.

ЧИСЛОВА МОРФОЛОГІЧНА ДОМІНАНТА У ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ

Стаття присвячена опису ряду поетичних текстів, що спираються на створенні числової морфологічної домінанти, а саме, тих випадків, коли числова форма і семантика визначають мовну специфіку вірша і сприяють вираженню глибокого поетичного сенсу.

Ключові слова: лінгвопоетика, категорія числа, морфологічна домінанта, морфологічний відбір.

Ткачева Н.И.

ЧИСЛОВАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена описанию ряда поэтических текстов, основанных на создании числовой морфологической доминанты, а именно, тех случаев, когда числовая форма и семантика определяют языковую специфику стихотворения и способствуют выражению глубокого поэтического смысла.

Ключевые слова: лингвопоэтика, категория числа, морфологическая доминанта, морфологический отбор.

Tkachova N.I.

MORPHOLOGICAL DOMINANT OF NUMBER IN POETIC TEXTS

The article is devoted to the analysis of poetic texts based on the creation of morphological dominant of number, particularly to the analysis of the cases where the form of number and semantics determine the linguistic specificity of poems and contribute to the expression of deep poetic meaning.

Keywords: linguopoetics, the category of number, morphological dominant, morphological selection.

Исследования последних десятилетий в области лингвопоэтики предполагают описание грамматической составляющей поэтического текста. Под разными углами зрения эта проблема освещалась в работах Я.И. Гина, И.А. Ионовой, И.И. Ковтуновой, Е.В. Красильниковой, Н.А. Николиной, О.Г. Ревзиной, Е.А. Скоробогатовой и др.

Рассматривая поэтический текст, И.И. Ковтунова выявила его способность служить «позицией нейтрализации грамматических противопоставлений» [5, с. 195]. За счет нейтрализации противопоставлений «создается широкий смысловой диапазон грамматической формы в контексте, ее неоднозначность» [Там же]. Е.А. Скоробогатова утверждает, что поэтический текст может служить не только позицией нейтрализации грамматических противопоставлений, но и «позицией актуализации форм и значений, которая происходит за счет нарушения языковых норм (обычно в рамках языкового потенциала) и ряда поэтических приемов, помогающих выделить значения и формы нормативные» [8, с. 305]. Автор утверждает, что широкий смысловой диапазон грамматической формы в контексте и ее неоднозначность создается за счет актуализации грамматических противопоставлений, условия и способы которой Е.А. Скоробогатова подробно описывает, и бла-

годаря отбору однородных грамматических единиц.

Исследуя морфологический уровень поэтического языка, среди прочих способов актуализации грамматических форм и значений ученый выделяет «морфологическую аттракцию» и «морфологический отбор», которым называет «гущение» на сравнительно небольшом пространстве поэтического текста морфологически однотипных единиц [8, с. 375]. Такая локализация морфологических единиц способна преобразовывать обобщенные грамматические значения языковых единиц в более частные, усложняя их семантику, что, в свою очередь, и приводит к образованию морфологической доминанты. Под морфологической доминантой, вслед за Е.А. Скоробогатовой, понимаем «преобладающую в тексте морфологическую форму и созданное соположением форм грамматическое значение, которые являются частотными в данном тексте и связаны с его содержанием» [8, с. 376]. Исследователь выделяет и описывает целый ряд морфологических доминант.

Целью данной работы является описание поэтических текстов, основанных на создании числовой морфологической доминанты, тех случаев, когда числовая форма и семантика определяют языковую специфику стихотворения и способствуют выражению глубокого поэтического смысла. Актуальность исследования обусловлена поэтичес-

ким потенциалом грамматической категории числа.

Выделен корпус стихотворений, которые либо включают только граммыемы одного числа (чаще единственного), либо количество сингулярных граммем значительно превышает число граммем плоральных (и наоборот). Е.А. Скоробогатова называет их «одночисловыми» (или «моночисловыми»). Попытаемся выявить закономерности, которые свойственны таким текстам.

Самой распространённой группой среди стихотворений с числовой доминантой можно назвать одночисловые поэтические тексты, организованные сингулярными граммемами. Отметим, что одночисловые тексты количественно неоднородно представлены в творчестве разных мастеров поэтической речи. У одних поэтов они частотны, у других – встречаются редко или вообще не представлены. Сингулярность в одночисловых текстах зачастую связана с выражением мотива одиночества, который отличается не только разнообразием репрезентации и оценки в творчестве разных поэтов, но и различается в творчестве одного автора. Так, одиночество в лирических текстах может быть позитивным, негативным, «медитативным» (термин Л.Ф. Тарасова). Л.Я. Гинзбург, перечисляя основные темы лирики, называет тему одиночества одной из экзистенциальных в том смысле, что «она касается коренных аспектов бытия человека» [3, с. 153]. Будучи «сложной формой познания, выражения и коммуникации», лирика, по мнению И.И. Ковтуновой, «представляет собой глубинное отношение человеческой личности и мира» [5, с. 15]. Можно сказать, что тема одиночества, широко представленная в лирических текстах, выражает разнообразие отношений человеческой личности и мира. Е.А. Скоробогатова, анализируя поэтико-морфологические лейтмотивы в языке русской поэзии, выделяет одиночество человеческое и любовное, экзистенциальное одиночество, одиночество поэта, стоящего над толпой и др. [8, с. 408]. Этот список можно продолжить. Грамматическая представленность данной темы в стихотворных текстах носит инвариантный характер. Все они построены по принципу целенаправленного авторского отбора сингулярных граммем для передачи конкретных авторских интенций и поэтических смыслов. Поэтические тексты, в которых встречаются граммыемы только одного числа (единственного или множественного), мы называем текстами со сплошной морфологической доминантой.

Рассмотрим стихотворение Николая Огарева «К Лидии», которое имеет сплошную морфологическую доминанту и посвящено теме одиночества.

*Когда ты, грустная, слезу стерев с ресницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,*

*Не видишь в будущем ни проблеска зарницы
И ищешь день убить бы как-нибудь, –
Ведь я сочувствую тебе, и мне обидно,
Что жить тебе так страшно тяжело,
А между тем, мой друг, и самому мне стыдно,
Насколько жить мне вольно и светло!
Печален я теперь; но вдруг ишущей влагой
Иль улицы движеньем увлечен,
Я полон становлюсь разгульною отвагой
И в эту жизнь младенчески влюблен.*

[6, с. 245].

Двенадцать стихов стихотворения можно условно разделить на две смысловые части. Первые шесть стихов содержат описание одиночества женщины, которая тоскует по прошлому, разуверилась в будущем и бежит от настоящего, убивая день за днем. Обреченность такого существования вызывает сочувствие и жалость у поэта. В структуре лирического сообщения на первый план выходит точка зрения говорящего. И.И. Ковтунова называет лирику «эгоцентричной», но «этот эгоцентризм есть выражение антропоцентризма человеческого взгляда на мир» [5, с. 18]. В анализируемом стихотворении взгляд лирического героя также глубоко антропоцентричен. Повествователь испытывает чувство неловкости оттого, что его одиночество отличается своим позитивизмом. Следующие шесть стихов передают мироощущения лирического героя, рисуя его оптимистическую позицию жизнелюба. В анализируемом поэтическом тексте противопоставлены два типа одиночества – негативное, мучительное, и позитивное, жизнеутверждающее. Согласно нашим наблюдениям, организация морфологического уровня стихотворения «работает» на достижение поэтической задачи представления темы одиночества. Грамматический анализ позволяет выявить морфологическое единообразие всех имеющих категорию числа граммем, что свидетельствует о тесной связи и идейно-образной организации рассматриваемого лирического текста. Грамматический отбор способствует решению определенной поэтической задачи, передавая посредством использования лишь сингулярных форм конкретные поэтические смыслы. Грамматический отбор служит средством оязыковления мотива одиночества, который представлен двояко – позитивно и негативно.

В стихотворении Александра Блока «Песня за стеной» способствуют передаче поэтического смысла лексические средства, явно называющие тему одиночества (*один, одинокой*) и морфологические формы, передающие сингулярное значение в поэтическом тексте.

*О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...*

*Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной...
Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит, -
А песня смолкла за стеной!..*

[1, с. 442].

Стихотворение раскрывает тему любовного одиночества, тоски лирического героя по умершей возлюбленной. Двенадцать стихов стихотворения условно можно разделить на три фрагмента, последовательно передающие трагизм переживаний влюбленного. Такое членение поддержано рифмовкой внутри каждого фрагмента, а также оно организовано синтаксически и пунктуационно (каждые четыре стиха заканчиваются многоточием). В первой части переданы муки лирического героя, его надежды на воссоединение с возлюбленной. Во второй части названа сама тема одиночества (*в этой песне одинокой, один ... тоскливый призрак*). Одинок призрак возлюбленной, одинока ее песня, одинок лирический герой. В третьей части переданы размышления героя о том, можно ли поверить, что возлюбленной уже нет. Лирическому герою хочется быть услышанным, но его стон никто не слышит. Он одинок. Грамматический анализ показывает, что текст организован сингулярными граммемами. Морфологическая доминанта является сплошной. Единицы морфологического уровня в стихотворении взаимодействуют с единицами лексического уровня (лексемами с семантикой одиночества). Академик В.В. Виноградов пишет, что «в стиле писателя соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [2, с. 169]. Л.Ф. Тарасов утверждает, что «все уровни поэтической речи тесно связаны между собой благодаря тому, что каждый из них ориентирован на содержание и принимает прямое или опосредованное участие в формировании и выражении содержания поэтического произведения, так что каждый из них в большей или меньшей степени содержателен» [9, с. 31]. Самой примечательной закономерностью организации поэтической речи автор считает «параллелизм функций единиц как одного и того же уровня, так и разных уровней поэтической речи: они как бы настраиваются на достижение основного, доминирующего эстетического эффекта» [9, с. 133]. По мнению И.И. Ковтуновой, углубление поэтического смысла достигается «сложной организацией всех уровней построения текста в их внутреннем соотношении и тесном взаимодействии» [5, с. 23]. Действительно, в анализируемом стихотворении языковые единицы лексического и морфологического уровней, дополняя

и усиливая друг друга, максимизируют эстетический эффект, расширяют свои семантические и экспрессивные функции, углубляя поэтический смысл произведения.

Как отмечает Е.А. Скоробогатова, «поэты, создающие тексты с сингулярной грамматической доминантой, используют и другие способы актуализации числового значения: противопоставление рядов числовых граммем, числовой ритм, числовую аттракцию» [8, с. 379]. Так, помимо сингулярных текстов со сплошной числовой доминантой граммем единственного числа существуют поэтические тексты с селективным числовым со- и противопоставлением. В таких стихотворениях со- и противопоставляются граммемы сингулярные множественным. При этом сами грамматические формы единственного и множественного числа являются смысло- и структурообразующими, организуя все пространство лирического произведения. Это позволяет относить такие примеры текстов к текстам с числовой морфологической доминантой. Такие поэтические тексты считаем текстами с дискретной или фоновой доминантой. Сами же соположения числовых форм «в поэтическом языке реализует грамматический потенциал категории числа» [8, с. 307].

В качестве примера рассмотрим стихотворение Георгия Иванова «Как обидно – чудным даром...», в котором на фоне преобладающих сингулярных форм выделенная форма множественного числа служит средством передачи особого поэтического смысла.

*Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратить даром
Золотую благодать.*

*И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.*

[4, с. 172].

В анализируемом стихотворении явно прослеживается мотив одиночества, но это одиночество одаренного человека, поэта, которое противопоставлено внешнему миру. И.И. Ковтунова отмечает, что «поэтическое сознание (лирическое я) может ограничиваться своим внутренним эмоциональным миром и даже быть противопоставлено внешнему миру, но может, напротив, вмещать в себя широкий внешний мир, с которым у лирического поэта возникает непосредственный и тесный контакт» [5, с. 15]. Противопоставленность лирического героя стихотворения внешнему миру, единичности его дара общности не ценящей это толпы выражается в анализируемом стихотворении морфологически. Грамматическая оппозиция преобладающих форм единственного числа, выража-

ющих мир поэта, и форм множественного числа, описывающих внешний антагонистичный мир, получает поэтическую выразительность, актуализирующую внутреннюю форму слова, которая в данном примере выражена не лексически, а грамматически. Лирический герой стихотворения не рад своему дару, он подчеркивает, что люди его не оценят, а, скорее, погубят. Фразеологическая единица во второй строфе (*жемчуг свиным раздаря*) передает значение напрасности усилий поэта, неценности его дара и обреченности. Единственная в тексте плюральная граммема в 6 строке (*свиным*) актуализирует и передает определенный поэтический смысл, ставя поэта над толпой.

Реже, но встречаются тексты, в которых на фоне преобладающих плюральных граммем выделяются и актуализируются сингулярные формы. Например, в стихотворении Якова Полонского «Звезды» актуализирована форма единственного числа, которая также связана с мотивом одиночества, но это одиночество выделительное, вводящее в лирическое повествование мир лирического героя.

*Посреди светил ночных,
Далеко мерцающих,
Из туманов млечными
Пятнами блуждающих
И переплывающих
Небеса полярные,
Новые соизжуются
Звезды светозарные.*

*Так и вы, туманные
Мысли, тихо носитесь,
И неизъяснимые
В душу глухо проситесь,
Так и вы над нашими
Темными могилами
Загоритесь некогда
Яркими светилами.*

[7, с. 102].

Стихотворение графически поделено на две строфы, которые образованы восьмью стихами каждая. Грамматический анализ показывает, что первая строфа представлена сплошной плюральной доминантой, которая передает идею непрерывности процессов мироздания, цикличности развития мира и вселенной. Во второй строфе среди преобладающих форм множественного числа актуализирована форма единственного (*в душу*), которая соотносена с миром лирического героя, объясняющего появление своих мыслей и идей. Зарождение мыслей сравнивается с рождением звезд, которые не перестанут светить, как и не исчезнут идеи лирического героя, даже после его смерти. Так, оппозиция актуализированной сингулярной граммемы и плюральных граммем в стихотворении раскрывает особенности поэтического мира

автора, передает его мироощущение, получает особую поэтическую выразительность. В поэтических текстах плюральные граммемы чаще передают семантику некой общности, однородности, распространности, а сингулярные формы – семантику отдельности, разнородности, уникальности.

Крайне редко встречаются поэтические тексты со сплошной плюральной грамматической доминантой. Их тематика пока не классифицирована ввиду малочисленности таких текстов. Создание такой классификации является одной из перспектив нашего исследования. Стихотворение со сплошной плюральной доминантой находим у Александра Блока «И нам недолго любоваться...»

*И нам недолго любоваться
На эти, здеиные, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.*

[1, с. 162].

Лирический герой стихотворения рассматривает себя как часть внешнего мира и это передано сплошной плюральной доминантой. Герой здесь уже не одинок, он полон решимости перехода в иные миры вместе с другими. Хотя стихотворение лишено надрыва, семантика трагизма и обреченности в нем присутствует. В четырех стихах поэтического текста находим граммемы множественного числа, которые и передают семантику обреченности всего сущего и неизбежности перехода в другой мир. Так, плюральные граммемы в анализируемом стихотворении создают определенный эстетический эффект.

Перспективой исследования является дальнейшее изучение поэтических текстов с числовой морфологической доминантой с целью описания их тематической и сюжетно-композиционной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах / А.А. Блок // Под ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского / Александр Александрович Блок. – М.-Л.: «государственное издательство художественной литературы», – Т.1. Стихотворения (1897-1904). – 1960. – 716 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: «Гослитиздат», 1959. – 656с.
3. Гинзбург Л. Я. Частное и общее в лирическом стихотворении / Л.Я. Гинзбург // Вопросы литературы, 1981, № 10. – С. 152-175.
4. Иванов Г.В. Что-то сбудется / Георгий Иванов. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с. – (Народная поэзия).
5. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / Ирина Ильинична Ковтунова. – М.: «Наука», 1986. – 207 с.
6. Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы /

Николай Платонович Огарев / Вступ.статья, подг.текста и примеч. С.А. Рейсера. – Ленинград: Советский писатель. – 1956. – 920 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).

7. Полонский Я.П. Лирика; Проза / Яков Петрович Полонский / Сост., вступ. ст. и ком. В.Г. Фришланд; Ил. Ю.К. Бажанова. – М.: Правда, 1984. – 608 с., ил.

8. Скоробогатова Е.А. Грамматические зна-

чения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексики-грамматические разряды имени): Монография / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.

9. Тарасов Л.Ф. Поэтическая речь. (Типологический аспект) / Леонид Феокистович Тарасов. – Харьков: Вища школа: Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. – 140 с.